

**Метафоризация термина «дискурс»
в процессе формирования его современного значения**

Во второй половине XX в. активное изучение языка привело к возникновению новых парадигм научного знания, результатом которого стало появление обширной группы новых терминов и понятий. Необходимо отметить, что некоторые термины, представленные в таких областях науки как психолингвистика, лингвокультурология, лингвистика текста, социолингвистика, прагмалингвистика и других, порой не имеют четкого толкования. К разряду таких терминов можно отнести «дискурс», который стал объектом исследований многих филологов. В настоящее время можно найти множество работ, посвященных рассмотрению различных видов дискурса. Стоит отметить, что с развитием новых технологий, распространением социальных сетей все больший интерес вызывает изучение интернет-дискурса, так как «сетевое общение – это особый мир с особым видом дискурса, специфика которого проявляется во всех областях: орфографии, лексике, грамматике» [1: 121].

Впервые внутренняя организация дискурса исследовалась, по мнению В.Г. Борботько, в 50-х гг. XX в. В то время появились работы, полностью посвященные конструкциям, состоящим более чем из одного предложения – «сложным синтаксическим целым» и «сверхфразовым единствам» [2: 10]. Отечественные исследования посвящались, главным образом, логико-грамматическим отношениям между высказываниями, связанными по смыслу, которые образуют в речи сверхфазовое единство. Еще в двадцатые годы по отношению к единому комплексному высказыванию, которое сочетает в себе различные виды синтаксической связи компонентов (обособление, подчинение, вводные конструкции, сочинение и т.д.), Л.В. Щерба употреблял термин «сложное синтаксическое целое» [2: 10].

В зарубежной лингвистике в начале 50-х гг. З. Харрисон, обнаружив факт повторяемости синтаксических конструкций и морфем в смежных высказываниях, а также смысловое подобие различных выражений, которые попадают в идентичное окружение, выявил синтаксические регулярности в организации дискурса [2: 10]. «Лингвистика текста» как научное течение было сформировано к началу семидесятых годов и объединило в себе как исследования в области лингвистики, так и смежные подходы к изучению текста связной речи – теоретические (функциональная стилистика, литературоведение), а также имеющие прикладную направленность (теория коммуникации, информатика, ав-

томатизированный перевод и т.д.). Так как текст оказался предметом интереса ряда различных дисциплин, в науке появилась необходимость более четкого его осмысления. Лингвистические исследования были расширены за пределы предложения – на уровень дискурса [2: 11].

Самое простое и очевидное значение термина «дискурс» – разговорная практика, речь, «использование языка». Однако, в связи с тем, что авторы множества исследований, посвященных изучению дискурса, трактуют это явление в столь различных научных системах, само понятие «дискурс» стало шире понятия «язык». С.Слембрук в своей статье «Что значит «анализ дискурса?»» привлекает для объяснения сущности этого понятия такие области знания, как аналитическую философию в качестве основания лингвопрагматики, стилистику и социальную лингвистику, лингвистическую антропологию, теорию контекстуализации, культурологию, социологию и этнометодологию [3: 21].

Многочисленные исследования ученых о происхождении и значении термина «дискурс» выявили ряд парадоксальных явлений в становлении этого понятия. Слово «дискурс» (англ. – discourse, французское – discours) относится к разряду тех слов, первоначальное значение которых завуалировано и которые часто передают значения, прямо противоположные исходным.

Отличительными признаками этого термина в русском языке стали невозможность раскрыть его значение через анализ логико-понятийной структуры и его расширенное применение [4: 12]. Термин «дискурс» вышел за границы лингвистики и проник в сферу не только смежных гуманитарных дисциплин, но и естественнонаучных. В наши дни, например, можно услышать о дискурсе как филологическом, так и о математическом. Но раньше в других культурах, еще при употреблении слова *discursus* (*discours*, *discourse*) не в качестве термина, можно наблюдать явление, которое можно было бы представить как искажение структуры знака: обозначающее стремительно отрывалось от обозначаемого и начинало существовать самостоятельно. Иными словами, интерпретатор переставал узнавать объекты или явления за референтом и наделял его новыми смыслами.

На первый взгляд, между «уклонением от курса» и «убеганием прочь» в этимологии латинского слова и «устной речью» французского и английского слова нет ничего общего. В то же время в данном изменении знака не так все просто. Даже если интерпретатор не узнает изначальное обозначаемое, согласно закону внутренней формы слово сохраняет исходные смыслы [4: 12]. Это явление можно продемонстрировать на нижеприведенных примерах: значение латинского слова изначально

ограничивалось семами действия: бега (в различных направлениях) или специальной двунаправленной атакой войска, целью которой было разделение войска противника на части [5]. В последнем случае наблюдаются несколько явлений: переход слова в термин при использовании его ограниченным числом лиц, и метафоризация. При этом сема говорения в данном случае (в латинском языке) не зафиксирована. В то же время сема говорения превалирует в текстах французских и английских словарей. Это слово используется для обозначения говорения, речи, рассуждения.

Проанализировав ряд статей Н.Н.Белозерова и Л.Е. Чуфистова, мы сделали следующие выводы. На очень раннем этапе произошла метафоризация заимствованного слова поля военного действия, которое перекрыто полем речевого действия. Причем, внутренняя форма слова сохраняет аналогии уклонения от курса, бега в различных направлениях, процесса сражения и все семы. Все эти семы и аналогии осуществляются на уровне речевого поступка [4: 13].

Сложно выявить, когда именно произошла такая метафоризация. Те же авторы предлагают следующее объяснение. Попав в совершенно другую культуру, заимствованное слово меняет и своих «пользователей» – его начинают употреблять представители абсолютно других сословий в границах функционирования совершенно иных социальных институтов, в рамках абсолютно другой деятельности. Начинает ослабевать первоначальная связь между обозначающим и обозначаемым. В ходе установления подобий и аналогий сначала прибавляется еще несколько обозначаемых (образование полисемии), а потом первоначальное обозначаемое как результат деятельности пользователей перестает осознаваться и как бы «соскальзывает» внутрь знака и становится внутренней формой [4: 13-14]. При этом неосознанное переосмысление или метафоризация слова возникает, как правило, как результат деятельности целых культурных сообществ, а в случае с переосмыслением термина – в ходе специально направленной деятельности определенного круга отдельных личностей [термин Лосева, цит. по 4: 14], которые, определив правила своей деятельности, не ограничиваются употреблением и адаптацией отдельного термина, а образуют целые терминосистемы для выявления предмета или описания области исследования. Так, термин, который был заимствован, вводится в уже существующие системы и становится зависимым от всего адаптирующего его семантического поля или же образует сам свое поле и, таким образом, становится ядром новой системы. Данные явления обнаруживаются при переосмыслении как слова, так и термина «дискурс».

По мнению Н.Н. Белозеровой и Л.Е. Чуфистовой, сходство между

речевой деятельностью и видами военной деятельности (маневрами и передвижениями) произошло в средние века [4: 14]. Тогда пользователями слова *discourse* являлись представители знатной прослойки общества: монахи, рыцари и т.д. Рыцари, вовлеченные в крестовые походы, разработали целый свод правил как для обращения с оружием, так и со словом, и были, вероятнее всего, одними из первых, установивших схожесть между состязаниями военным и словесным. Монашеская деятельность была связана с латинским языком, и, возможно монахи, не вовлеченные в деятельность, связанную с военной сферой, одними из первых прекратили выявлять связь между элементом военного состязания и обозначающим *discourse*. Представители первых университетов, в которых преподавание производилось на латыни, и главным методом обучения было многочасовое словесное состязание, построенное по особым правилам ведения диалога, а также дискуссия по прочитанному, закончили процесс метафоризации слова «дискурс». Все поле военного состязания было перенесено на поле словесного состязания. При этом данным словом пользовались представители определенного сословия. Слово *discourse* перешло к разряду лексики возвышенной и стало применяться или знатью, или специалистами, превратившими его в термин.

Библиографический список

1. Семенцова Н.В. Особенности употребления пословиц и поговорок в интернет-дискурсе (на материале испанского языка) // Современные тенденции в образовании и науке. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 октября 2013 г.: в 26 частях. Тамбов, 2013. С. 121-122.
2. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: URSS, 2006. 286 с.
3. Прохоров Ю.В. Действительность: Текст: Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.
4. Белозерова Н.Н., Чуфистова Л.Е. Когнитивные модели дискурса. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2004. 256 с.
5. Traupman J.C. The New College Latin and English Dictionary Bantam Books, 1978. 502 p.